

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Владимир
Губарев**

А-БОМБА

ОТ СТАЛИНА ДО ПУТИНА

Москва
издательство
РОДИНА
2021

УДК 94(470+571)

ББК 63.3

Г 93

В книге использованы фото из архива Средмаша, Минатома,
автора и С. Новикова

Губарев В.С.

Г93 А-бомба. От Сталина до Путина. Фрагменты истории в воспоминаниях и документах / В.С. Губарев. – М.: Родина, 2021. – 944 с.: илл.

ISBN 978-5-907332-10-2

История создания советского ядерного оружия остается одним из самых драматичных и загадочных сюжетов XX века. Даже, несмотря на то, что с 29 августа 1949 года, когда на Семипалатинском полигоне была испытана первая атомная бомба, прошло 70 лет. Ведь все эти годы наша страна продолжает вести тайную войну с Западом.

Эта книга необычная по двум причинам. Во-первых, о создании отечественного ядерного и термоядерного оружия рассказывают те самые ученые, которые имеют к этому прямое отношение. Во-вторых, они предельно откровенны, потому что их собеседник — человек, посвятивший изучению истории «Атомного проекта СССР» более полувека своей жизни, а потому многие страницы этой истории известны ему лучше, чем самим ученым — все-таки секретность властвовала над судьбами всех.

Коллекционное издание «А-Бомба. От Сталина до Путина» иллюстрировано множеством ранее секретных фотографий, где запечатлены отдельные эпизоды создания советского ядерного меча и щита. Они позволяют по-новому взглянуть на то, о чем рассказал автор.

УДК 94(470+571)

ББК 63.3

ISBN 978-5-907332-10-2

© Губарев В.С., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

19 января

198

№ 88/5

От автора

Президентский зал Академии наук. Верхний свет погашен. Высвечен только экран, на котором изредка появляются фотографии и схемы.

Под экраном седой человек. Его лицо высвечивает тонкий луч. Оно будто высечено из камня, причем скульптор был щедр и могуч, будто лепил он только богов и святых.

У докладчика мягкий, но сильный голос — такие бывают у оперных певцов. Звуки заполняют зал, слова произносятся четко, словно человек старается вбить каждое из них в историю.

— По всей стране был создан «белый архипелаг», в котором люди жили лучше, чем в городах и селах, лучше, чем даже в Москве. Я жил и работал в самом центре этого архипелага, можно сказать, в его столице — в «затерянном мире Харитона».

Луч света высвечивал лицо докладчика. Его глаза закрыты — профессор Альтшулер почти ничего не видит.

В эти минуты он мне напоминал пророка, спустившегося к нам из прошлого. Из того времени, которое я называю «время слепых орлов».

Это было на Семипалатинском полигоне. После взрыва ученые ехали к эпицентру. Сахаров увидел на обочине дороги орла. Тот не испугался, не улетел. Андрей Дмитриевич остановил машину, подошел к птице и только тогда увидел, что орел слепой...

Это всего лишь одна страница из многотомной истории создания атомной бомбы. Я попытаюсь приоткрыть некоторые из них.

«День Истины» — 29 августа...

У истории альтернатив не бывает. Мы пытаемся сами их обнаружить и обосновать. На симпозиуме «Российская академия наук и первое испытание отечественного ядерного оружия» это попытались сделать несколько человек. Дискуссия носила весьма широкий характер: от личных воспоминаний до попыток определить будущее ядерного оружия, а значит, и России. Сколь бы критически ни

оценивали мы прошлое нашей страны, нельзя не признать: именно создание ядерного оружия определило ее судьбу во второй половине XX века, а следовательно, и судьбу каждого из нас, кому выпало жить в это время. Итак, краткие фрагменты из выступлений некоторых участников симпозиума...

Академик Виктор Михайлов: «Начиналось все скромно — в 1938 году была создана Комиссия по атомному ядру в Академии наук. Потом началась война, но руководство страны интересовалось положением дел в этой области: я держу в руках распоряжение Сталина, в котором предписано Татарскому совнаркому предоставить с 15 октября 1942 года Академии наук СССР »помещение площадью 500 кв. м для размещения лаборатории атомного ядра и жилую площадь для 10 научных сотрудников». Любопытно, что это распоряжение Сталина не было выполнено, так как «вмешалась» разведка и ситуация резко изменилась... А дальше история А-бомбы начала стремительно развиваться. События были столь масштабны и разносторонни, что даже в общих чертах описать их невозможно! Можно только удивляться, как в разрушенной страшной войной стране была создана мощная атомная промышленность, которая и позволила сохранить мир на планете до нынешнего дня. Даже трудно представить, что случилось бы на планете, если бы монополия на атомное оружие осталась только у Америки! Тень взрывов Хиросимы и Нагасаки лежит над человечеством...»

Академик Виталий Гольданский: «После 39-го года публикаций по урану стало значительно больше, и вдруг все разом прекратилось... Тут не надо особенно быть прозорливым, чтобы понять: началось создание оружия. Этот период истории, на мой взгляд, освещен весьма однобоко, мол, советская разведка настолько хорошо поработала, что физикам практически ничего не оставалось, как „собрать бомбу по добытым чертежам“. Но меня интересует другое: почему нет никаких данных о работе западных разведок? Неужели они „проморгали“ фундаментальную работу Харитона и Зельдовича? Почему они работали так плохо?!»

Академик Лев Феокистов: «Мы, ядерщики, считаем, что в XX веке одно из великих открытий — это освоение ядерной энергии. Работа в этой области потребовала полной отдачи сил многих

выдающихся людей, огромных коллективов и целых стран. Именно с такой точки зрения надо подходить к созданию атомной бомбы в СССР... В ходе войны у мирового сообщества сложилось исключительно доброжелательное отношение к России из-за ее многочисленных жертв и страданий. Часть интеллигенции в самом деле верила, что мы строили прогрессивное общество. У многих ученых сохранялось и чувство единства научного сообщества, независимого от границ. Наконец, среди части ученых существовало убеждение, что монополизм во владении ядерным оружием нарушает баланс сил, является предательством в отношении союзника — России. Альянс между США и Англией на завершающей стадии так и не состоялся не только потому, что, как полагали американцы, обмен информацией неэквивалентен, но также из-за опасения, что секретные сведения об атомном оружии через Англию достигнут Советского Союза. По-видимому, секретные органы использовали эти настроения, чтобы внедрить свои кадры, иметь достоверную информацию от агентуры, подчас бескорыстной. Тревожные сведения, поступившие от разведки, не могли остаться без внимания. Несмотря на трудный период, когда и исход войны неясен, и до победы далеко, в бомбовую проблематику включаются высшие государственные чины: Л. П. Берия, С. В. Кафтанов, М. Г. Первухин, В. М. Молотов и даже И. В. Сталин... О И. В. Курчатове часто говорят как об организаторе науки и атомной промышленности. В этом есть что-то недосказанное. Курчатов — прежде всего выдающийся ученый, на которого страна возложила великую миссию. Совсем не случайно еще в 1940 году А. Ф. Иоффе предлагает возложить общее руководство урановой проблемой на 38-летнего И. В. Курчатова как „лучшего знатока вопроса“.

Академик Евгений Велихов: «Я хочу выделить 1949-й год... Это критический год в истории науки и нашего государства. Представим на мгновение, что физикам не удалось бы взорвать бы бомбу! Разве они были застрахованы от ошибок и неудач?! Думаю, что гнев Сталина был бы беспощаден, и история нашей страны, а следовательно, и всей цивилизации стала бы иной... Да и мы не собрались бы в этом зале, чтобы попытаться оценить значение испытаний нашей первой атомной бомбы».

Член-корреспондент РАН Виталий Адушкин: «Объем материалов и событий огромен. Моим руководителем был Михаил Алек-

сандрович Садовский. Он проводил на полигоне по 10 месяцев в году. Первое испытание произвело на него самое сильное впечатление. В нашем институте еще работают два сотрудника из тех, кто участвовал в тех испытаниях. Сам я занимался подземным сооружением — оно чем-то напоминало метро. Оно находилось в эпицентре взрыва и было полностью разрушено... Потом я начал заниматься так называемым „тепловым слоем“ ядерного взрыва. Это весьма своеобразное явление, которое позволяет оценивать влияние взрывов на природную среду. Особенно сильно ее „раскачивают“ высотные взрывы. Их влиянием занимался спецсектор Института физики Земли... Спустя некоторое время я перешел работать на Новую Землю. Там были взрывы до 2–3–4 мегатонн, и там мы наблюдали (а следовательно, и исследовали) множество уникальных явлений. К примеру, световые вспышки в эпицентре взрыва на поверхности мы называли „световыми чертями“. Эти своеобразные образования высотой 20–25 метров мы наблюдали регулярно... А с 1954 года как наука появилась „сейсмология взрыва“. Сейсмические волны распространяются по земному шару так же свободно, как и животные. И такие волны являются важным инструментом контроля и слежения за ядерными испытаниями. Появилось такое понятие, как „сейсмическая безопасность“. Ведь иногда возникали разрушения на расстоянии свыше 100 километров, и это „странное“ явление надо было изучать. Позже наши работы пригодились при проведении мирных ядерных взрывов... А сейчас мы изучаем ядро Земли. Этой задачей увлеклись практически все геофизики ведущих стран... К чему я все это говорю? Я хочу подчеркнуть, что все перечисленные мной направления в науке появились после испытания атомной бомбы в 1949 году».

Академик Юрий Израэль: «Я хочу заметить, что после Хиросимы и Нагасаки, а также взрыва в августе 1949 года нашей бомбы Земля стала иной — радиоактивной...»

Директор Федерального ядерного центра «Арзамас-16» Радий Илькаев: «Без развития фундаментальной науки невозможно было создание ядерного оружия. Руководство страны принимало разумные решения: создавались институты и научные центры. Ведь речь шла о будущем, и наша задача — очень внимательно всматриваться в него. Если нет будущего у науки, то нет будущего у обороны, нет

будущего и у России. Политологи утверждают: к 2015 году завершится перевооружение на Западе на основе новейших технологий. А они могут появиться только с развитием науки — значит, уже сегодня надо об этом задумываться. Пока у нас есть возможности. Нам всегда приходилось конкурировать с мощными американскими установками. Они их строили, так как страна богатая. Нам же требовалось получать такие же результаты, но дешево... И почти всегда это нам удавалось. Более того, по ряду направлений мы ушли вперед. Сейчас мы проводим серию экспериментов под названием „Капица“, в них принимают участие наши коллеги из США, так как подобных результатов они получать не могут... Еще один пример. Речь идет о термоядерных исследованиях. Если нам дадут денег в десять раз меньше, чем выделяется на международный термоядерный реактор ИТЭР, то специалисты Арзамаса-16 зажгут термоядерную плазму. У нас для этого есть такие установки... Я хочу сказать, что создание и развитие ядерного оружия определило множество направлений в современной науке, по которым наши ученые и специалисты пока являются лидерами».

Директор Федерального ядерного центра «Челябинск-70» Георгий Рыкованов: «Мы часто вспоминаем наших отцов-основателей К. И. Щелкина и Е. И. Забабахина, идеи которых реализуются в нашем ядерном центре до сегодняшнего дня. Это были выдающиеся ученые, прекрасные люди. И когда мы говорим о единстве фундаментальной науки в России и ее ядерных комплексов, то прежде всего должны следить за судьбой великих ученых, которые жили и работали у нас...»

...До сих пор история создания ядерного оружия в СССР складывалась из воспоминаний участников Атомного проекта, а потому картина получалась неполной, слишком много было «белых пятен», не только потому, что память человеческая избирательна, но и из-за тотальной секретности, которая окружала как создателей ядерного оружия, так и предприятия, связанные с этой проблемой. Только в наши дни завеса секретности начинает чуть-чуть приподниматься, и связано это с тем, что начали публиковаться документы и материалы, добрых полвека лежащие в суперсекретных архивах. Знакомство с документами позволяет лучше представить то место, которое занимают люди, их воспоминания и воспоминания о них в истории.

Виктор Никитович Михайлов (1934 – 2011) – российский физик, физик-ядерщик и организатор атомной отрасли. Лауреат Ленинской премии (1967) и Государственных премий СССР (1982) и Российской Федерации (1997). Основатель научной школы по физике взрывного деления ядер и диагностике однократных импульсных процессов по проникающим излучениям.
